

Комзолова Анна Альфредисовна

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института научной информации по
общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
(Россия, Москва)*

МИТРОПОЛИТ ИОСИФ (СЕМАШКО) И СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ШКОЛЫ В СЕВЕРО- ЗАПАДНОМ КРАЕ (1850–1860-Е ГГ.)

Резюме

В статье исследуются начинания митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) (1798–1868) в сфере народного просвещения. Его деятельность рассмотрена в контексте его взглядов на языковой вопрос и задачи русской православной школы в литовско-белорусских губерниях. Статья фокусируется на роли митрополита в реформировании народной школы в Северо-Западном крае в 1850–1860-х гг. В частности, в 1863 г. митрополит Иосиф предложил осуществить «слияние» народных училищ Виленского учебного округа и приходских школ Литовской православной епархии.

Ключевые слова: *митрополит Иосиф (Семашко), Литовская православная епархия, Северо-Западный край, начальные школы, образовательная реформа, временные правила 23 марта 1863 г., А. П. Ширинский-Шихматов, М. Н. Муравьев*

Личность митрополита Литовского Иосифа (Семашко) продолжает привлекать внимание историков, прежде всего благодаря

его ведущей роли в воссоединении униатов Белоруссии и Литвы в 1839 г.¹ Нельзя не согласиться с оценкой одного из его биографов, что Иосиф был «наиболее замечательный церковный и государственный деятель в Западном крае» XIX столетия². Вместе с тем далеко не все аспекты деятельности пастыря достаточно изучены, в частности вне основного фокуса внимания исследователей находится вопрос об инициативной роли митрополита в формировании православной сельской школы для народа.

Одним из первых, кто признавал особый вклад Иосифа (Семашко) в распространение русского просвещения в Северо-Западном крае был М. О. Коялович. Он выделял две основные задачи в сфере просвещения, которые митрополиту Литовскому удалось достаточно успешно разрешить. Во-первых, в основу всего дела воссоединения униатов было положено прежде всего русское воспитание белого униатского духовенства, которое в конце 1820-х гг. было буквально «вырвано» из рук монахов базилианского ордена. Усилиями Иосифа, в то время униатского епископа, в 1829 г. в местечке Жировицы была основана семинария. «Здесь, – отмечал Коялович, – были собраны замечательные умы – и восточно-русские и западно-русские; здесь было развито глубокое сознание своего русского долга...»³. Во-вторых, в 1860-х годах местное духовенство активно сотрудничало с представителями Виленского учебного округа в деле образования народа и организации сельских школ. Коялович подчеркивал «великое в этом деле влияние» митрополита

¹ Толстой, Д. А. Иосиф, митрополит Литовский и воссоединение униатов с православной церковью в 1839 г. / Д. А. Толстой. – СПб. : Печ. В. Головина, 1869; Чистович, И. А. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов : Обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I-го / И. А. Чистович. – СПб. : Синод. тип., 1889; Извеков, Н. Д. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский / Н. Д. Извеков. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889; Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. / Г. Я. Киприанович. – 2-е изд. – Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1897; Шавельский, Георгий, протоиерей. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / протоиерей Георгий Шавельский. СПб. : Тип. «Сельского вестника», 1910; Романчук, Александр, протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей Александр Романчук. – М.; Минск : Общество любителей церковной истории, 2015; и др.

² Киприанович, Г. Я. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский / Г. Я. Киприанович. Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1894. С. IV.

³ Коялович, М. О. О заслугах покойного митрополита Литовского Иосифа в деле русского образования в Западной России / М. О. Коялович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1868. – № 12. – С. 896, 897, 900, 901.

Иосифа. «Он сразу уничтожил вопрос о соперничестве в этом деле духовенства и учебного округа. <...> Митрополит Иосиф представлял округу самую широкую деятельность; но так как состав народных учителей состоит главным образом из воспитанников местных и других семинарий, <...> то оказывается, что народные училища по своему направлению и нравственным связям весьма близки к духовному ведомству», – писал Коялович⁴.

Исследование мировоззрения и деятельности Иосифа (Семашко) доступно для исследователей во многом благодаря бережному отношению митрополита к собственным архивам и воспоминаниям. Как признавался сам Иосиф, ему была «тягостна мысль», что «недоброжелатели постараются марать память мою, что, может быть, мне не отдаст справедливости и самая Церковь Православная»⁵.

В 1862 г. митрополит Литовский составил завещание, согласно которому после его кончины составленные им «Записки» и личный архив передавались в Петербургскую Академию наук для последующей публикации. «Записки» Иосифа были изданы Академией наук только в 1883 г., уже в начале царствования Александра III. В предисловии к запискам отмечалось, что Академия наук «выжидала лишь времени, когда обнарудование их в таком виде, без всяких изменений и сокращений, представится возможным»⁶. Сразу после кончины митрополита в конце 1868 г. специально созданная Академией наук комиссия пришла к заключению, что публикацию «Записок» митрополита Литовского следует отложить, в том числе поскольку в них содержатся нелицеприятные, «слишком откровенные» характеристики ряда современников, занимавших высокие государственные должности.

Интересно, что одним из первых вопросов о необходимости публикации воспоминаний Иосифа (Семашко) поднял министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев, еще в мае 1881 г. обратившийся к президенту Императорской Академии с соответствующим предложением. Поводом к этому послужила особая записка, посвященная публикации архивного наследия Иосифа (Семашко). Записка не была подписана, но ее автора, вероятно, знал Н. П. Игнатьев (возможно, он принадлежал к кругу И. С. Аксакова). Заслуживают внимания

⁴ Там же. С. 905.

⁵ Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею наук по завещанию автора : в 3-х т. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883. – Т. 2. – С. 551.

⁶ Там же. Т. I. С. VI.

те доводы, которые приводились в этой записке, аргументировавшие необходимость публикации наследия митрополита Литовского. «Административные и полицейские меры, – отмечалось в этом документе, – не могут прекратить влияния тайной польской агитации, действующей через конфессионалов; тут необходимо употребить такое нравственное влияние, которое поддержало бы вовремя колеблющихся и внушило им веру в бдительность и силу русского правительства. Такою мерою следует считать немедленное издание записок митрополита Иосифа, заgrabное слово которого укажет, где и в чем таится главная опасность, что следует делать правительству, администрации, православному духовенству и русским людям. Оглашение записок, разбор их в печати и другие способы распространения идеи избавят правительство от необходимости говорить открыто свое слово в столь щекотливом деле, как польский вопрос; враги России сами поймут, кто говорит устами почившего святителя»⁷. Если же этот намек не будет понят, прибавлял автор записки, «и обстоятельства указали на необходимость дать второе предостережение, то к обязанностям издателя записок митрополита Иосифа можно присоединить еще собрание материалов для биографии графа Михаила Николаевича Муравьева»⁸.

В «Записках» Иосифа (Семашко) и приложениях к ним отражены взгляды митрополита на языковой вопрос в сфере народного образования. В числе документов, опубликованных в приложениях к «Запискам», особого внимания заслуживает письмо митрополита Иосифа к министру государственных имуществ М. Н. Муравьеву от 10 июня 1857 г. «с мнением на счет преподавания в приходских училищах виленского генерал-губернаторства польского и самогитского языков».

В фондах Министерства государственных имуществ в Российском государственном историческом архиве сохранилось дело, которое проясняет обстоятельства появления этого письма Иосифа (Семашко), а также в целом вопрос о том, почему в это время – в середине 1850-х гг. – в сферах высшей бюрократии активно обсуждалась возможность «легализации» преподавания польского и литовского языков в Северо-Западном крае. Речь шла прежде всего о приходских училищах для государственных крестьян и одноворцов, открытых на основании именного указа 27 июня 1842 г.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1967. Л. 1 об.

⁸ Там же. Л. 2.

Поводом для обсуждения в середине 1850-х гг. языкового вопроса стало анонимное письмо, благодаря которому внимание руководства Министерства государственных имуществ оказалось привлечено к проблеме распространения между белорусскими и литовскими крестьянами польской грамотности, а также опасного влияния на них польских сочинений, содержавших «исторические ложные понятия о России»⁹. Глава этого ведомства граф П. Д. Киселев выступал за передачу, хотя и под определенным контролем, начального образования крестьян в руки православного духовенства, и он стремился улучшить сложное положение Русской Православной Церкви в Северо-Западном крае. Хотя русский язык официально являлся единственным языком преподавания в училищах этого ведомства, на деле обучение велось и на польском языке. Например, наставники сельских училищ в Виленской губернии – местные православные священники – хорошо владели польским языком и использовали его на занятиях¹⁰. Видимо, таким же образом дела обстояли и в училищах белорусских губерний (на это, например, указывает присутствие польских книг в наставнических библиотеках).

В ноябре 1854 г. по приказанию графа П. Д. Киселева местные губернские палаты государственных имуществ должны были изучить положение школьного дела и немедленно прекратить обучение литовских и белорусских крестьян польскому языку в школах его ведомства¹¹. Однако вопрос на этом не был закрыт. В мае 1855 г. управляющий Ковенской палатой государственных имуществ предложил разрешить преподавание литовского языка в училищах этого ведомства¹². Граф Киселев решил отправить запросы о языке преподавания для начальной школы Северо-Западного края виленскому генерал-губернатору и министру народного просвещения¹³. 28 мая 1857 г. М. Н. Муравьев, преемник Киселева на посту министра государственных имуществ, обратился к митрополиту Иосифу, прося сообщить его мнение по этому щекотливому вопросу¹⁴.

Отвечая на запрос М. Н. Муравьева, митрополит называл «вредным» преподавание польского языка в начальных училищах,

⁹ РГИА. Ф. 384. Оп. 6. Д. 23. Л. 1–2об.

¹⁰ Там же. Л. 9, 10.

¹¹ Там же. Л. 4, 5.

¹² Там же. Л. 17–18.

¹³ Там же. Л. 18, 20.

¹⁴ Там же. Л. 27 – 28 об.

а саму эту идею «продолжением усилий» поляков «привить польскую народность здешнему русскому и литовскому населению». «Пора бы, кажется, – отмечал он, – прекратить эти усилия при русском правительстве и не колебать оными напрасно умов здешнего населения». Также Иосиф предлагал ограничить преподавание литовского языка чтением религиозной литературы под руководством ксендзов, но только «после достаточного изучения детьми русской грамоты». Не «лучше и удобнее» ли, задавался митрополит риторическим вопросом, обратить главное внимание на изучение местными крестьянами русского языка, «как правительственного и литературного», и, по его словам, «тем самым облегчить образование народа в совокупности с общим государственным телом?»¹⁵.

Если в 1850-х гг. голос митрополита Литовского не был услышан, позднее, уже в начале 1860-х гг., его мнение оказалось востребованным.

Отрицательное отношение к преподаванию польского языка в учебных заведениях Северо-Западного края Иосиф (Семашко) сформулировал значительно раньше, уже к концу 1820-х – началу 1830-х гг. В частности, он стремился подорвать аргументацию самих поляков о польском как «отечественном языке» исторической Литвы. «Что́ мы называем отечественным языком? – рассуждал Иосиф в 1830 г., – это язык, употребляемый массою какого-либо народа. Но в так называемой еще до ныне русскими Польше, губернии: Киевская, Подольская, Волынская, Гродненская, Минская, Могилевская, без мала Витебская, отчасти даже Виленская и Белостокская область, заселены народом, русским по языку и происхождению; почти вся Виленская и три уезда Витебской – чухнами, латышами и самогитами, столь же мало по-польски, как и по-русски понимающими. И так, для считаемого в тех странах отечественным польского языка остается город Вильна, и то не без исключения, небольшие онаго окрестности, часть Белостокской области, а также помещики и несколько мелкой шляхты». Главное препятствие для развития русского просвещения в Западном крае Иосиф усматривал в прослойке польских учителей и профессоров – «в многочисленной ученой касте, для которой польское воспитание есть ремесло, служащее к пропитанию, и той партии, которая составлена или из пламенных патриотов, ожидающих возвращения

¹⁵ РГИА. Ф. 384. Оп. 6. Д. 23. Л. 42 – 43 об. Опубликовано: Записки Иосифа, митрополита Литовского. – Т. 2. – С. 620–622.

Польши как земли обетованной, или имеющих выгоды в том, чтобы восемь русских губерний были некоторым образом колониями маленького Польского Царства»¹⁶.

В целом взгляд Иосифа на языковую ситуацию в Северо-Западном крае был вполне реалистичен. Пастырь прекрасно понимал, что воссоединенному духовенству Литовской епархии сложно быть проводником русской грамотности среди местных крестьян. Характерно, что еще в 1840 г. архиепископ Иосиф обращал внимание Св. Синода на трудности, с которыми сталкивается духовенство Литовской епархии. Так, на основании высочайшего указа от 31 декабря 1839 г. Иосиф предписал приходским священникам, чтобы они по воскресным и праздничным дням читали поучения и объясняли катехизис «на простом общепонятном для их прихожан языке», а также рекомендовал «менее опытным» из священников обращаться за советами к «своим собратьям, более сведущим в духовных науках и в знании простонародного языка». Сообщая об этом в С.-Петербург, он указывал на «разнообразие наречий и состава самого духовенства по Литовской епархии». Иосиф предлагал предоставить местным священникам образцы проповедей на русском языке, поскольку большинство этого духовенства, «получив прежде воспитание в польских училищах, не знают хорошо русского языка и не будут в состоянии в своих поучениях на простонародных тамошних наречиях применяться к общему духу русского языка»¹⁷.

Митрополиту Иосифу во многом приходилось мириться со сложившимся в течение долгого времени положением, когда использование польского языка было широко распространено среди воссоединенного духовенства. Проблема заключалась в том, что, как признавал сам Иосиф, польский язык был «языком образованного общества», в то время как «язык русский, то есть белорусское наречие, употребляется здесь исключительно простым народом»¹⁸. Он отмечал, что еще в 1830-х гг. все духовенство Литовской епархии говорило по-польски и не знало русского языка. «Влиянием чрез несколько столетий Польши и поляков, – писал Иосиф в декабре 1863 г., – русское православное духовенство здешней страны не только лишилось православной веры, отклонясь в Унию, но и

¹⁶ Записки Иосифа, митрополита Литовского. – Т. 1. – С. 573.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 120. Д. 1654. Л. 4–4об.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 284. Л. 68 об.

усвоило себе польский язык. На всем пространстве нынешней Литовской епархии тридцать лет тому назад духовенство это говорило все на польском языке и вовсе не знало языка русского»¹⁹. В 1860-х гг. ситуация заметно изменилась, хотя в семьях священнослужителей продолжали использовать польский язык. Это отчасти было связано с тем, что девушки духовного звания воспитывались в польских пансионах²⁰. Отвечая на критику газеты «День», митрополит указывал на то, что в различных языковых ситуациях священники обращались к разным языкам: с народом они говорили по-белорусски, но с представителями местного «образованного сословия» они вынуждены были говорить по-польски, в том числе чтобы иметь на них некоторое влияние «по духовным и мирским делам». Многие местные священники, отмечал Иосиф, «редко даже имеют случай перекинуть несколько слов с русским образованным человеком на русском образованном языке. Без употребления польского языка пришлось бы им ограничиться сношениями с одним простым народом и постепенно низойти к степени его образования»²¹.

Вместе с тем в 1863 г. митрополит Иосиф призывал духовенство Литовской епархии в своих семьях говорить по-русски, даже не столько потому, что польский язык в их речи производил негативное впечатление на приезжавших в Северо-Западный край русских, сколько потому, что использование польского языка в священнослужительских семействах могло уронить их авторитет «в мнении собственных их прихожан, искони русских, говорящих русским языком по белорусскому или малорусскому наречию»²². Кроме того, в 1863–1864 гг. митрополит призывал духовенство и вообще всех грамотных православных людей отказаться от практики использования польских молитв и молитвенников²³.

Новая «волна» интереса правительства к образованию крестьян Северо-Западного края связана с эпохой Великих реформ в царствование Александра II. На рубеже 1850–1860-х гг. в западных епархиях, как и во всей империи, численность церковно-приходских школ быстро увеличивалась. Если к концу декабря 1861 г. в Литовской епархии числилось 247 сельских приходских школ (с

¹⁹ Там же. Л. 91.

²⁰ Там же. Л. 91.

²¹ Там же. Л. 69.

²² Там же. Л. 91 об.

²³ Там же. Л. 89 об. – 90 об., 126 об. – 128.

4061 учащимся)²⁴, то к концу марта 1863 г. – уже 303 сельские приходские школы (с 6857 учащимися)²⁵.

Важной вехой в истории реформы начального образования стали высочайше утвержденные 23 марта 1863 г. временные Правила для народных школ в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской. В окончательном варианте этих правил были учтены предложения митрополита Литовского Иосифа о «слиянии» церковно-приходских и народных школ. В этом вопросе министр народного просвещения А. В. Головнин и его единомышленники вынуждены были учитывать то, что в короткий срок невозможно было создать на местах сеть светских начальных школ, поскольку эти школы не были бы обеспечены учителями. В итоге, ведомству народного просвещения приходилось идти на компромисс и временное привлечение приходского духовенства для преподавания всего комплекса предметов в светских школах.

Для того чтобы оценить значение решения о «слиянии» церковно-приходских и народных школ для развития народного просвещения в Северо-Западном крае, необходимо учитывать, что в марте 1863 г., во время обсуждения в Западном комитете проекта временных правил для народных школ литовско-белорусских губерний, выдвигалось предложение о распространении подобных же правил и на Юго-Западный край. В марте А. В. Головнин обращался к митрополиту Киевскому и архиепископу Волынскому, спрашивая их мнение о возможности «применить это начало» и к местным училищам, однако проект объединения сельских школ был отвергнут местной епархиальной властью²⁶. Причем митрополит Киевский Арсений (Москвин) в качестве аргумента указывал на то, что «Украина, в состав которой входит вверенная мне Киевская епархия, и Литва, образующая Литовскую митрополию, и в историческом и в этнографическом отношении далеко одна на другую не похожи». По его словам, «и внешний житейский вид, и внутренний характер народонаселения той и другой и особенно религиозно-нравственное настроение оно, состоявшего целые веки под влиянием разнородных начал и под давлением и влечением враждебных сил, при единстве общего стремления к охранению

²⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 32. 4-е отд. Д. 292. Л. 16.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 19. Л. 345–346.

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 349. Л. 96 об., 97.

своей теснимой народности от преобладания польской, представляют, однако же, в себе и многие разительные черты несходства в частностях»²⁷.

Объясняя обер-прокурору А. П. Ахматову причины, побудившие его принять решение о «слиянии» школ, митрополит Иосиф отмечал, что в начале 1860-х гг. борьба за влияние на народные школы между православным духовенством и Виленским учебным округом, с одной стороны, и могущественной «латино-польской партией», с другой, «оказалась весьма затруднительною и мало успешною». Поэтому он считал необходимым войти в соглашение с попечителем Виленского учебного округа А. П. Ширинским-Шихматовым и действовать «общими силами и общими средствами»²⁸. В записке к А. В. Головнину 2 февраля 1863 г. митрополит подчеркивал: «Для поддержания свойственной большинству здешнего населения русской народности и языка, желательно, чтобы церковные приходские и народные училища слились воедино и действовали под совокупным направлением и надзором, как начальства учебного округа, так и духовного православного начальства»²⁹. По его мнению, открытые в Литовской епархии церковно-приходские школы не могли постоянно поддерживаться «на хорошей степени, и по скудости собственных материальных средств, и по преобладанию в здешней стране польско-латинского элемента». Вследствие доминирования этого «элемента» судьба народных школ, учреждавшихся ведомством народного просвещения, также была весьма неопределенной, поскольку, как полагал митрополит, «они бы подверглись могущественному влиянию <...> латино-польской партии, подобно другим учебным заведениям» Северо-Западного края³⁰.

Наряду с крайней «скудостью средств» местного православного духовенства, митрополит Литовский выделял и потенциальную опасность «ополячивания» новых училищ, открывавшихся светскими властями. «Если народные училища, – писал он, – были бы заведены в тех же местностях, что и церковные, то взаимные силы тратились бы бесплодно в пустом соперничестве. Если же были бы они в других местностях, то ускользали бы от взора и влияния православного духовенства, а напротив, подверглись бы

²⁷ Там же. Л. 30.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 284. Л. 197.

²⁹ Там же. Л. 42.

³⁰ Там же. Л. 42.

всесильному влиянию латино-польской партии. Сие последнее сбылось бы тем вернее, что в народные училища избирались бы по необходимости учителя, сей партии принадлежащие, как это совершилось с другими учебными заведениями здешнего учебного округа»³¹. Как полагал митрополит, соглашение между начальством Виленского учебного округа и главой епархии следовало распространить на такие вопросы организации новых школ, как выбор мест для их устройства, назначение и увольнение учителей, двойной контроль за школами – административно-педагогический и религиозно-нравственный и т. п.³²

Неформальное соглашение между митрополитом Иосифом и князем А. П. Ширинским-Шихматовым предполагало, что открытые православным духовенством училища по мере возможности будут обращаться в народные школы «с обеспечением их средствами для сих последних назначаемыми; и чтобы училища сии замещаемы были преимущественно наставниками духовного ведомства»³³. На основании этого соглашения к уже открытым народным училищам были присоединены церковные школы³⁴.

А. П. Ширинский-Шихматов, со своей стороны, отмечал в отчете об организации народных школ за 1862 г., что по его просьбе митрополит Литовский рекомендовал нескольких священников и семинаристов на места наставников народных школ³⁵. Одним из результатов неформального соглашения между митрополитом Литовским и попечителем Виленского учебного округа, видимо, также было циркулярное распоряжение Ширинского-Шихматова от 12 января 1863 г., на основании которого регулировались права и обязанности светских учителей и православных законоучителей. В частности, согласно этому циркуляру, священники, занимавшие места школьных законоучителей, должны были наблюдать за поведением наставников из светских лиц, без их согласия светские учителя не могли отлучаться в учебное время, а в случае «неблагонадежности» светских учителей священники должны были немедленно сообщать об этом попечителю³⁶. В целом Иосиф, предвидя

³¹ Там же. Л. 43 об.

³² Там же. Л. 44 об.

³³ Там же. Л. 43 об.

³⁴ Там же. Л. 43 об. – 44.

³⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 377. Ед. хр. 87. Л. 6, 15 об.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 98. Л. 5 об.; также см. текст циркуляра князя А.П. Ширинского-Шихматова от 12 января 1863 г.: ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 85. Л. 1 – 2 об.

определенные проблемы для местного православного духовенства в результате «слияния» школ, полагал, что в долгосрочной перспективе преимущества такого выбора превзойдут все его недостатки³⁷.

В результате, во второй половине 1860-х гг. местные православные приходские священники составили основу учительского персонала в начальных школах Виленского учебного округа. Так, по данным на 1 января 1866 г., всего по округу состояло 395 священников, занимавших одновременно наставнические и законоучительские должности, и 212 священников, являвшихся только законоучителями; наставниками также были 146 дьяконов и причетников, 214 воспитанников семинарий и только 119 лиц «разных званий». Таким образом, в среднем приходские священники составили около 45 % всех наставников народных школ. В Виленской дирекции народных училищ, охватывавшей Виленскую и Гродненскую губернии, эта цифра составила около 59 %, в Минской – около 53 %, в Витебской, охватывавшей Витебскую и Могилевскую губернии, – около 43 %³⁸. (Ковенская дирекция выбивалась из этой общей картины: там наставнические должности занимали 67 воспитанников семинарий и 11 лиц «разных званий»³⁹.)

Впоследствии митрополит Иосиф выражал определенное разочарование в принятом в марте 1863 г. решении о «слиянии» школ. В 1866 г. митрополит Иосиф указывал обер-прокурору С. Синода графу Д. А. Толстому на ряд «неудобств», связанных с вынужденными совместными действиями Литовской епархии и Виленского округа. На первое место он поставил их непропорциональные финансовые возможности⁴⁰. Также Иосиф жаловался графу Толстому на последствия «двоевластия» в церковно-приходских школах, включая избыточную опеку со стороны училищного начальства «посредством многочисленных директоров и инспекторов, назначаемых одним Учебным округом», а также зависимость приходского духовенства «от стороннего ведомства», которая «производит между оным некоторую шаткость в отношениях его к духовному начальству и в исполнении прямых лежащих на нем духовных обязанностей»⁴¹.

³⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 284. Л. 44.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 98. Л. 4 об.

³⁹ Там же.

⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 284. Л. 197 – 197 об.

⁴¹ Там же. Л. 198 об., 219–220.

Таким образом, в 1863 г. по инициативе митрополита Иосифа произошло «слияние» церковно-приходских школ Литовской епархии с казенными народными училищами Виленского учебного округа, что предполагало объединение более широких материальных возможностей училищного начальства с нравственным и интеллектуальным авторитетом приходских пастырей. Обострившийся в начале 1860-х гг. спор между ведомствами народного просвещения и православного вероисповедания о том, кому должен принадлежать высший надзор над сельскими школами – началству училищному или епархиальному, в рамках Виленского округа завершился компромиссом благодаря желанию владыки действовать «общими силами и общими средствами».

Литература

1. Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею наук по завещанию автора : в 3-х т. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883.
2. Извеков, Н. Д. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский / Н. Д. Извеков. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889. – 236 с.
3. Киприанович, Г. Я. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский / Г. Я. Киприанович. Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1894. – 140 с.
4. Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковию в 1839 г. / Г. Я. Киприанович. – 2-е изд. – Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1897. – 614 с.
5. Коялович, М. О. О заслугах покойного митрополита Литовского Иосифа в деле русского образования в Западной России / М. О. Коялович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1868. – № 12. – С. 896–905.
6. Романчук, Александр, протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей Александр Романчук. – М.; Минск : Общество любителей церковной истории, 2015. – 443 с.

7. Толстой, Д. А. Иосиф, митрополит Литовский и воссоединение униатов с православной церковью в 1839 г. / Д. А. Толстой. – СПб. : Печ. В. Головина, 1869. – 71 с.
8. Чистович, И. А. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов : Обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I-го / И. А. Чистович. – СПб. : Синод. тип., 1889. – 64 с.
9. Шавельский, Георгий, протоиерей. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / протоиерей Георгий Шавельский. СПб. : Тип. «Сельского вестника», 1910. – 380, 84 с.